

Содержание

Вступительная статья <i>Революционер и эволюция</i>	5	
Предисловие (к изданию 1922 г.).....	39	
Предисловие к первому русскому изданию.....	42	
Введение.....	43	
ГЛАВА I		
Взаимная помощь у животных		
«Борьба за существование» • Взаимная помощь — закон природы и главное условие прогрессивного развития • Беспозвоночные животные • Муравьи и пчелы • Птицы: их союзы для охоты и рыбной ловли • Их общительность • Взаимная охрана у мелких птиц • Журавли; попугаи.....		59
ГЛАВА II		
Взаимная помощь у животных (Продолжение)		
Перелет птиц • Сообщества для гнездования • Осенние сообщества • Млекопитающие: малое число видов необщительных • Охотничьи сообщества волков и т. д. • Сообщества грызунов; обезьян • Взаимная помощь в борьбе за жизнь • Доводы Дарвина для доказательства борьбы за жизнь в пределах вида • Естественные препятствия чрезмерному размножению • Предполагаемое уничтожение промежуточных звеньев • Устранение соперничества в природе.....		93
ГЛАВА III		
Взаимная помощь среди дикарей		
Предполагаемая война каждого против всех • Родовое происхождение человеческого общества • Позднее появление отдельной семьи • Бушмены и готтентоты • Австралийцы, папуасы • Эскимосы, алеуты • Черты жизни дикарей, с затруднением принимаемые европейцами • Понятие о справедливости у даяков • Обычное право.....		145

ГЛАВА IV

Взаимная помощь среди варваров

Великие переселения • Возникшая необходимость новой организации • Деревенская община • Общинная работа • Судебная процедура • Международное право • Пояснения, заимствованные из теперешней жизни • Буряты • Кабилы • Кавказские горцы • Африканские племена..... **190**

ГЛАВА V

Взаимная помощь в средневековом городе

Зарождение и развитие власти в варварском обществе • Рабство в деревнях • Восстание укрепленных городов: их освобождение; их хартии • Гильдии • Двойственное происхождение свободного средневекового города • Его автономный суд и самоуправление. Почетное положение, занятое трудом • Торговля, производившаяся гильдиями и городом..... **229**

ГЛАВА VI

Взаимная помощь в средневековом городе

(Продолжение)

Сходства и различия между средневековыми городами • Ремесленные гильдии: атрибуты государства в каждой из них • Отношение города к крестьянам; попытки освободить их • Феодалные владельцы • Результаты, достигнутые средневековым городом: в области искусств, в области образования • Причины упадка..... **266**

ГЛАВА VII

Взаимная помощь в современном обществе

Народные возмущения в начале государственного периода • Учреждения взаимной помощи в настоящее время • Деревенская община: ее борьба против государства, стремящегося ее уничтожить • Обычаи, сохранившиеся со времени периода деревенской общины и сохранившиеся в деревнях по настоящее время • Швейцария, Франция, Германия, Россия..... **306**

ГЛАВА VIII

Взаимная помощь в современном обществе

(Продолжение)

Рост рабочих союзов после разрушения гильдий государством • Их борьба • Взаимная помощь при стачках • Кооперация • Свободные ассоциации для различных целей • Самопожертвование • Бесчисленные общества для объединенных действий со всевозможными целями • Взаимная помощь среди беднейшего населения городов • Личная помощь..... **350**

Заключение..... **386**

Приложение..... **395**

Библиография..... **440**

Вступительная статья

Революционер и эволюция

Когда речь заходит об истории российской науки, я люблю озадачивать собеседников вопросом: «Кому из отечественных авторов принадлежит наиболее цитируемая работа по эволюционной биологии?» Тимирязеву? Северцову? Шмальгаузену? А вот и нет! Ее написал не профессиональный ученый, а профессиональный революционер — анархист князь Петр Кропоткин. Его книга «Взаимопомощь: фактор эволюции», впервые изданная в 1902 г. на английском языке, по данным Google Scholar, процитирована в научной литературе почти 4300 раз. На этом месте наиболее дотошные могут спросить: «А как же Феодосий Добржанский, один из создателей синтетической теории эволюции, господствующей в биологии и по сей день?» Его труд «Генетика и происхождение видов» (1937), также написанный по-английски, набрал еще больше цитирований — около 9200. А ведь Добржанский тоже был нашим соотечественником и начинал научную карьеру в СССР — в США он уехал в 1927 г., в возрасте 27 лет. Но все-таки Добржанский, несмотря на русское происхождение, принадлежал миру американской науки — на родину он так никогда и не вернулся, да и не особо помышлял об этом. Кропоткин же покинул отчизну, сбежав из тюремной больницы, когда ему было 34 года, то есть уже вполне зрелым человеком, и на протяжении всей своей жизни в эмиграции продолжал

пристально следить за происходящим в России, раздувая тлеющие угольки мировой революции в надежде, что однажды в этом пожаре сгорит и ненавистное ему самодержавие.

Ждать пришлось долго — но Кропоткин, в отличие от многих других революционеров-народников первой волны, сгинувших на чужбине от пьянства, безденежья и безнадеги, политических сдвигов в России все-таки дождался. Они-то и проложили путь на родину произведениям мятежного князя. После революции 1905 г. и последовавшей за ней отмены цензуры русский перевод «Взаимопомощи», доработанный и отредактированный автором, вышел под названием «Взаимная помощь как фактор эволюции». Это произошло в 1907 г., тогда же были впервые изданы в России и мемуары Кропоткина — знаменитые «Записки революционера». А вслед за Февральской революцией 75-летний Кропоткин после 40 лет эмиграции пожаловал на родину уже собственной персоной. Поселившись в Дмитрове, этот «старый, заслуженный революционер», как его называл Ленин, выписавший Кропоткину охранную грамоту, начал готовить корпус своих сочинений к переизданию на русском языке. Результатом этой работы стала «Этика», явившаяся продолжением и развитием идей, высказанных во «Взаимопомощи», — она была издана в 1922 г., на следующий год после смерти Кропоткина. В том же году вышло и очередное русское издание «Взаимопомощи». В новой авторской редакции книга получила название «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» — переиздание этого текста вы сейчас и держите в руках.

В основу «Взаимопомощи» лег цикл из шести статей Кропоткина, опубликованных в 1890–1896 гг. в журнале *The Nineteenth Century* («Девятнадцатый век»). Однако на этом сотрудничество Кропоткина с *The Nineteenth Century* не закончилось. В этом же журнале, который с началом нового столетия был несколько неуклюже переименован в *The Nineteenth Century and After* («Девятнадцатый

век и далее»), поскольку права на название «Двадцатый век» уже оказались зарезервированы кем-то другим, Кропоткин, начиная с 1904 г. опубликовал еще девять статей, посвященных механизмам эволюции и эволюционным истокам морали*. Некоторые из них в переработанном виде вошли впоследствии в состав «Этики». Последняя из статей Кропоткина на тему эволюции на страницах английского журнала появилась в 1919 г., когда его редакция была уверена, что вернувшийся в Россию старый анархист уже сгинул в большевистских застенках (советская власть преследовала анархистское движение так же безжалостно, как и эсеров). Так что «Взаимопомощь» следует рассматривать не как последнее слово Кропоткина, а лишь как промежуточный итог его размышлений об эволюции и происхождении этики, которыми он делился с читателями *The Nineteenth Century* на протяжении почти 30 лет.

The Nineteenth Century был совсем не похож на те захудалые политические листки, в которых обычно печатались беглые русские революционеры. Этот журнал, основанный в 1877 г. журналистом и архитектором Джеймсом Ноулзом, считался самым популярным и влиятельным интеллектуальным ежемесячником поздневикторианской эпохи. Ноулз задумал свой журнал как нейтральную внепартийную площадку для дискуссий, к участию

* Вот список статей Кропоткина на эволюционную тематику, опубликованных в журнале *The Nineteenth Century and After* после 1896 г. и не вошедших в состав «Взаимопомощи»: The Ethical Need of the Present Day. 1904. Vol. 56. P. 207–226; The Morality of Nature. 1905. Vol. 57. P. 407–426; The Theory of Evolution and Mutual Aid. 1910. Vol. 67. P. 86–107; The Direct Action of Environment on Plants. 1910. Vol. 68. P. 58–77; The Response of the Animals to Their Environment. 1910. Vol. 68. P. 856–866, 1046–1059; The Inheritance of Acquired Characters: Theoretical Difficulties. 1912. Vol. 71. P. 511–531; Inherited Variation in Plants. 1914. Vol. 74. P. 816–886; Inherited Variation in Animals. 1915. Vol. 78. P. 1124–1144; The Direct Action of the Environment and Evolution. 1919. Vol. 85. P. 70–89.

в которых он привлекал самых известных политиков, ученых, писателей и общественных деятелей Англии. В отличие от солидных ежеквартальников старого образца, вроде *The Edinburgh Review*, статьи в которых чаще всего выходили анонимно или под псевдонимами, все публикации в *The Nineteenth Century* по настоянию Ноулза подписывались настоящими именами их авторов. Благодаря фамилиям знаменитостей в списке авторов Ноулзу и удалось «раскрутить» свое детище — лидеров мнений он привлекал к написанию статей при помощи личных связей и щедрых гонораров, которые, однако, полностью окупались за счет подписки (на пике популярности *The Nineteenth Century* число подписчиков этого журнала достигало 20 000). Современники шутили, что единственными звездами первой величины, коих Ноулз не смог убедить писать для своего журнала, были Бисмарк и папа римский.

Самым известным автором *The Nineteenth Century* был политик Уильям Гладстон, четырежды становившийся британским премьер-министром. Даже занимая премьерское кресло, он не забывал регулярно присылать в журнал свои тексты. На страницах *The Nineteenth Century* Гладстон полемизировал об отношениях науки и религии с Томасом Гексли. О Гексли принято вспоминать как о «бульдоге Дарвина» и популяризаторе теории эволюции, но не менее важную роль он сыграл в истории английской науки в качестве администратора, возглавляя различные научные общества и входя в состав правительственных комиссий по вопросам образования. Гексли довелось поработать секретарем, а затем и президентом Королевского общества — аналога европейских государственных научных академий. Представьте себе журнал, в котором выпуск за выпуском президент РАН и действующий глава правительства РФ спорят о толковании Библии в свете данных науки, — разумеется, за их полемикой будет следить вся страна. Таков был уровень

The Nineteenth Century, и именно в те золотые годы, когда на его страницах мелькали фамилии Гладстона, Гексли, а также барона Ротшильда, поэта Теннисона, кардинала Мэннинга и других викторианских знаменитостей, Кропоткину и посчастливилось попасть в обойму авторов этого прославленного ежемесячника. Сначала Кропоткин сотрудничал с *The Nineteenth Century* как научный обозреватель, а затем стал писать для него и оригинальные статьи.

* * *

Цикл публикаций Кропоткина об эволюции и взаимопомощи возник не на пустом месте. Изложить свои мысли на эту тему его побудила статья Гексли «Борьба за существование в человеческом обществе», опубликованная в 1888 г. все в том же *The Nineteenth Century**. Позднее Гексли развил идеи этой статьи в роменсовской лекции «Этика и эволюция», прочитанной им в 1893 г. и изданной годом позже вместе с предисловием и примечаниями в составе одноименного сборника эссе**. В своих рассуждениях Гексли как убежденный дарвинист принимал за отправную точку, что движущей силой биологической эволюции является безжалостная конкуренция. Человек в этом отношении ничем не отличается от остальных видов. Для нас, как и для любых других организмов, естественно расталкивать друг друга локтями в борьбе за место под солнцем, не останавливаясь ни перед чем. «Примитивный дикарь налагал руку на все, что приглянулось, и, если только мог, убивал всякого, кто противился ему»***. Социальный порядок

* Huxley T. H. *The Struggle for Existence in Human Society: A Program // The Nineteenth Century*. 1888. Vol. 23. P. 161–180.

** Huxley T. H. *Evolution and Ethics and other essays*. L.: Macmillan and Co., 1894.

*** Huxley T. H. *The Struggle for Existence in Human Society: A Program*. P. 166.

и этические нормы — лишь тонкая корка льда на поверхности клокочущей бездны инстинктов. Обществу постоянно угрожает соскальзывание в гоббсовскую войну всех против всех. «Стремление человека, живущего по этическим принципам, работать над осуществлением нравственных целей, ни в коей мере не отменяет, и даже едва ли затрагивает, глубоко укорененные природные побуждения, подталкивающие естественного человека поступать аморально»*. Эгоизм и соперничество на международной арене и внутри государства — печальная, но неизбежная реальность, от которой никуда не деться.

В понимании Гексли задача этики — максимально обуздать внутреннего «тигра» и внутреннюю «обезьяну», которых мы унаследовали от предков. Его позицию не следует путать со взглядами социал-дарвинистов, полагавших, что человечество должно жить по законам джунглей, раз так завещано нам самой природой. На этом основании социал-дарвинисты приветствовали колониальные захваты и истребление туземного населения в интересах более витальных рас, но осуждали помощь беднякам, так как это способствует выживанию неприспособленных и ставит палки в колеса естественному отбору. Напротив, Гексли предостерегал от смешения естественного и должного: то, что мы наблюдаем в природе, нельзя считать руководством к действию. Этические нормы невозможно вывести из законов эволюции, ведь между ними существует непреодолимое противоречие. Этика учит нас бескорыстно помогать ближнему, а эволюция — искать выгоды только для себя и своего потомства. «Представление о том, что теория эволюции может заложить фундамент для морали, кажется мне иллюзией, которая возникает из-за прискорбной двусмысленности слова “наиболее

* Huxley T. H. The Struggle for Existence in Human Society: A Program. P. 166.

приспособленный” в словосочетании “выживание наиболее приспособленных”. Мы обычно используем слова “наиболее приспособленный” в хорошем смысле, имея в виду “лучший”, а слово “лучший” мы склонны понимать в этическом смысле. Между тем “наиболее приспособленный”, который выживает в борьбе за существование, может быть, и часто является самым худшим с этической точки зрения»*. Согласно Гексли, наш вид, вскарабкавшись по эволюционной лестнице, должен оттолкнуть ее от себя. «Единственный способ распрощаться с нашим дурным наследием — это разрушить источник желаний, откуда проистекают наши пороки, перестать быть инструментами эволюционного процесса и выйти из борьбы за существование»**.

Кропоткину, который в 1886 г. перебрался из Франции в Лондон, суждения Гексли о социально-этических аспектах эволюционной теории пришлось совсем не по вкусу. Ведь если этот титулованный представитель дарвиновской ортодоксии прав, то человек не имеет оснований для нравственного поведения в самом себе. Чтобы придерживаться норм и правил, без которых немислима цивилизованная жизнь, людям необходим внешний авторитет — церковь или государство. Но и то и другое Кропоткин, будучи теоретиком анархизма, отвергал. В противовес безрадостной картине конкурентной борьбы, пронизывающей природу, где каждый сам за себя, Кропоткин решил сформулировать альтернативное — куда более оптимистичное — понимание эволюции, которое позволило бы подвести научную базу под его собственный политический идеал. Это был весьма дерзкий и амбициозный по своему масштабу интеллектуальный проект. Однако Ноулз был только рад, что Кропоткин бросит вызов

* Huxley T. H. *An Apologetic Irenicon // Fortnightly Review*. 1892. Vol. 52. P. 557–571. P. 568.

** Huxley T. H. *Evolution and Ethics and other essays*. P. 16.

такому светилу викторианской науки, как Гексли, на страницах *The Nineteenth Century*. Он всегда приветствовал и даже поощрял полемику, добавлявшую необходимый «оживляж» его журналу. Например, когда Гексли спорил с Гладстоном о Библии и науке, Ноулз сразу же пересылал каждому из них очередную статью оппонента еще до ее выхода из печати, чтобы дать им время подготовить свой ответ в следующий номер. Неудивительно, что Ноулз подогревал полемический задор русского князя: «Со своей замечательной проницательностью [он] тотчас усмотрел важность вопроса и стал убеждать меня, с чисто юношеской пылкостью, взяться за эту работу», — вспоминал потом Кропоткин*.

Первый раз Кропоткин атаковал Гексли еще в 1888 г. в статье о сельском хозяйстве, доказывая, что за счет повышения производительности труда растущему населению Земли не составит проблемы прокормить себя**. Этим аргументом Кропоткин метил в мальтузианство, которым буквально сочилась статья Гексли о борьбе за существование в человеческом обществе. Английский экономист и священник Томас Мальтус, как известно, утверждал, что прирост народонаселения обгоняет темпы производства средств к существованию — отсюда голод и нищета. Бесконтрольное размножение провоцирует борьбу за ограниченные ресурсы, способную отбросить общество назад к варварству. Гексли, в полном согласии с выводами Мальтуса, бил тревогу: ежегодно население Англии увеличивается на 300 000 человек, притом что за счет собственных пахотных земель эта страна не может обеспечить хлебом и половину своих жителей***.

* Кропоткин П. А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 471.

** Kropotkin P. The Coming Reign of Plenty // *The Nineteenth Century*. 1888. Vol. 23. P. 817–837.

*** Huxley T. H. The Struggle for Existence in Human Society: A Program. P. 168.

Когда Кропоткин поставил под сомнение этот тезис, Гексли пожаловался в письме к Ноулзу, что князь незаслуженно его «пнул», но признал, что статья «вашего друга Кропоткина» [так] «очень интересна и важна»*. Но в дальнейшем Гексли так и не снизошел до прямой полемики с Кропоткиным. Последние две его статьи, вошедшие в состав «Взаимопомощи», Гексли вообще не суждено было прочесть: он умер в 1895 г., за год до их публикации. Но молчание Гексли не помешало Кропоткину полемизировать со взглядами этого апостола дарвинизма на протяжении почти трех десятилетий.

* * *

Целясь в Гексли, Кропоткин, однако, пытался поправить самого Дарвина. Отличительной чертой дарвиновской теории эволюции была та роль, которая отводилась в ней естественному отбору. Эволюционистов хватало и до Дарвина — достаточно вспомнить Жана Батиста Ламарка или Роберта Чемберса, но никто из них не додумался до того, чтобы провозгласить выживание наиболее приспособленных основной движущей силой эволюции. А ведь идею естественного отбора Дарвину подсказал именно Мальтус, и Дарвин не думал этого скрывать. Борьба за существование в природе, возникающая вследствие мальтузианской ловушки — избыточного размножения в условиях недостатка ресурсов, — красочно описывается Дарвином в «Происхождении видов». Там, где обыватели любовались красотами цветущего луга или величием дождевого тропического леса, Дарвин видел безжалостную конкуренцию: в борьбе за солнечный свет и клочок почвы растения теснятся и душат друг друга, рассеивают семена и захватывают жизненное пространство в ущерб

* *Life and Letters of Thomas Henry Huxley*. Vol. II. N. Y.: D. Appleton and co., 1900. P. 212.

как другим видам, так и собственным сородичам. И чем сильнее сходство между особями, тем яростнее между ними соперничество. «Соревнование должно быть наиболее жестоко между близкими формами, занимающими почти то же место в экономике природы», — писал Дарвин*.

Кропоткину же претило мальтузианство не только в социальных науках, но и применительно к органическому миру. В этом вопросе Кропоткин продолжал традицию русской мысли XIX в., для которой было характерно практически повсеместное неприятие теории Мальтуса. Действительно, в России с ее неосвоенными просторами, где вечно ощущалась нехватка рабочих рук, мальтузианский тезис о перенаселенности не мог встретить особого понимания. Мальтуса как экономиста критиковали в России и справа, и слева — ему досталось и от консерватора Владимира Одоевского, и от нигилиста Дмитрия Писарева. А когда «Происхождение видов» было переведено на русский язык, даже те, кто приветствовал эволюционизм, принялись порицать Дарвина за привнесение элементов мальтузианства в биологию и чрезмерную заикленность на индивидуальной конкуренции**. Организмы борются не столько друг с другом, сколько с суровыми условиями внешней среды — это утверждение, которым Кропоткин открывает «Взаимопомощь», на разные лады высказывали самые разные отечественные авторы того времени. Например, Николай Данилевский писал о суровых зимах, засухах

* Дарвин Ч. Происхождение видов. — М., Л.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1935. — С. 181.

** Todes D. P. Darwin's Malthusian Metaphor and Russian Evolutionary Thought, 1859–1917 // *Isis*. 1987. Vol. 78. P. 537–551; Тодес Д. Кропоткин и восприятие теории Дарвина в России // Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. — М., 1992. — С. 69–74.

и эпидемиях, которые периодически уничтожают великое множество организмов без оглядки на их индивидуальную приспособленность. Так, икру рыб выбрасывает на берег в результате сильного волнения или же она гибнет вследствие пересыхания затонов и лиманов, что приводит к резкому снижению общего поголовья. «В такие годы, следовательно, борьба за существование прекращается между этими столь быстро размножающимися животными, и не только по отношению к добыванию пищи, но и в других отношениях»*. Данилевский как никто другой был далек от социализма, но при этом почти одновременно с Кропоткиным высказывал те же самые критические замечания в адрес теории Дарвина — здесь явно сказывается особый «национальный стиль», присущий русской науке.

Сам Кропоткин в письме к анархистке Марии Гольдсмит так объяснял разницу во взглядах на внутривидовую конкуренцию между западноевропейскими и отечественными натуралистами: «Русские зоологи исследовали необъятные континентальные регионы в умеренной зоне, где борьба видов против условий среды... более выражена, тогда как Уоллес и Дарвин преимущественно изучали побережье тропических стран, где перенаселенность сильнее бросается в глаза». Поэтому, продолжает Кропоткин, «Кесслер, Северцов, Мензбир, Брандт — четыре великих зоолога, и пятый, меньший по значимости, Поляков, и, наконец, я, простой путешественник, выступаем против преувеличенного внимания дарвинистов к внутривидовой борьбе. Мы видим огромную роль взаимопомощи там, где Дарвин и Уоллес видят только борьбу»**. Хотя в качестве

* Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. — СПб.: Издание М. Е. Комарова, 1885. — Т. I. Ч. I. С. 469.

** Цит. по: Todes D. P. Darwin's Malthusian Metaphor and Russian Evolutionary Thought, 1859–1917. P. 546.

своего идейного предшественника во введении к «Взаимопомощи» Кропоткин упоминает только зоолога Карла Кесслера, профессора Санкт-Петербургского университета, похожие идеи развивали и многие другие отечественные авторы. Например, идеолог народничества Петр Лавров еще в 1875 г. критиковал дарвинистов за абсолютизацию борьбы за существование, противопоставляя ей инстинктивную взаимопомощь и взаимную солидарность, которую можно наблюдать у пчел, муравьев, птиц и млекопитающих. Согласно Лаврову, на верхних ступенях эволюции взаимная конкуренция слабеет, а инстинкт взаимопомощи, наоборот, усиливается: «В этом фазисе развития мира организмов борьба за существование перешла в прочувствованную солидарность между особями одной группы»*. Это в зародыше и есть эволюционное учение Кропоткина.

Так что «Взаимопомощь» взялась не из воздуха — Кропоткин черпал из обширной кладовой русской мысли, которая традиционно превозносила общинность, круговую поруку и коллективное действие, противопоставляя их западному индивидуализму и состязательности, в отрицании которых совпадали революционеры-народники и славянофилы. Заслуга Кропоткина состоит в том, что ему удалось выразить эти умонастроения в виде связной эволюционной теории и ознакомить с ней широкую западную аудиторию.

Я не буду пересказывать факты и доводы, которыми Кропоткин пытался подкрепить свою концепцию во «Взаимопомощи» и последующих статьях, а сразу перейду к основным ее положениям. Главной особенностью эволюционной теории Кропоткина было отрицание ведущей роли естественного отбора

* Лавров П. А. Социализм и борьба за существование // Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1965. — С. 370.

в возникновении новых видов — вместо того чтобы соревноваться в плодовитости и взаимном истреблении, организмы, во-первых, сообща противостоят внешней среде и, во-вторых, меняются под ее прямым влиянием. Именно под действием двух этих факторов, по мнению Кропоткина, и происходит эволюция.

Уже во «Взаимопомощи» Кропоткин отмечал правоту ламаркистов, которые признают «изменяющее влияние среды на живущие в ней виды»*. В дальнейшем Кропоткин более подробно развил этот вопрос, скрупулезно выуживая из научной литературы свидетельства, доказывающие, что растения и животные под давлением внешних условий претерпевают адаптивные изменения и затем передают их по наследству. Например, высокогорные травы покрываются густыми волосками для защиты от ультрафиолета, а птицы и звери на севере приобретают светлую окраску, чтобы стать незаметными на фоне снега. Дарвинизм объясняет эти приспособления естественным отбором, воздействующим на случайную изменчивость. Медвежонок со светлой шерстью может случайно родиться в любой местности, просто в обычном лесу это не даст ему никаких преимуществ, а вот за полярным кругом такой медведь сможет эффективнее охотиться и оставит больше потомства. Это как в казино, где есть везунчики и неудачники. Тебе либо выпал счастливый билетик, либо нет. Ламаркисты же верили, что холод и снег одинаково влияют на всех медведей, заставляя их меняться в нужную сторону. Изменчивость носит направленный характер и подчинена нуждам самих организмов. Природа, словно коммунист, отмеряет каждому по потребностям, подталкивая вперед всех особей данного вида, просто кто-то идет чуть медленнее, а кто-то — чуть быстрее. Различия в индивидуальной приспособленности при

* Наст. изд. С. 132

таких раскладах сглажены, а значит, отбор и конкуренция отходят на второй план. «Гипотеза, которая усматривает в борьбе за жизнь причину накопления изменений, больше не представляется необходимой, когда мы имеем *реальную* причину, производящую те же результаты, в виде прямого действия окружающей среды»*, — пишет Кропоткин.

Дарвинизм с его мальтузианством всегда ассоциировался со свободным рынком и капиталистическим строем. «В наш век капитализма и меркантилизма “борьба за существование” так отвечала требованиям большинства, что затмила все остальное», — жаловался Кропоткин**. Напротив, ламаркизм традиционно отвечал чаяниям приверженцев левых идей и еще в додарвиновскую эпоху в Англии был взят на вооружение социалистами-оуэнистами***. Кстати, неслучайно, что при Сталине и Хрущеве, когда коммунистическая идеология еще не превратилась в пустую формальность, именно ламаркизм в исполнении Мичурина и Лысенко стал главенствовать в советской биологии. Но как лысенковцы продолжали ритуально зывать к авторитету Дарвина, точно так же и Кропоткин никогда открыто не противопоставлял себя ему. Наоборот, Кропоткин строил из себя защитника истинного дарвиновского учения, искаженного такими эпигонами, как Гексли. И он имел на это некоторое право, ведь на излете жизни сам Дарвин действительно претерпел ощутимый крен в ламаркизм. Если в первой версии «Происхождения видов», опубликованной в 1859 г., Дарвин категорично настаивал, что естественный отбор является

* Kropotkin P. The Theory of Evolution and Mutual Aid // *The Nineteenth Century and After*. Vol. 67. P. 86–107. P. 107. Курсив автора.

** Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 119.

*** Desmond A. Artisan Resistance and Evolution in Britain, 1819–1848 // *Osiris*. 1987. Vol. 3. P. 77–110.

единственным «мотором» эволюции, то в последующих изданиях этого труда он все больше прибегал к предположениям о направленной изменчивости и наследовании благоприобретенных признаков. Чтобы записать Дарвина к себе в союзники, Кропоткин в своих статьях подробно разобрал, как менялись его взгляды, дрейфуя к умеренному ламаркизму.

Если даже сам Дарвин лишил привилегий свое собственное детище — теорию естественного отбора, то что уж и говорить о других эволюционистах той поры. Историки называют ситуацию в тогдашней биологической науке «затмением дарвинизма» (eclipse of darwinism): после публикации «Происхождения видов» большинство ученых уверовало в существование эволюции, но при этом очень многие сомневались, что Дарвину удалось дать ее удовлетворительное объяснение. Появилось множество конкурирующих теорий, которые провозглашали основополагающим механизмом эволюции жизненный порыв, внутреннее стремление организмов к усложнению, упражнение органов, прямое воздействие среды — короче, все что угодно, но только не естественный отбор. Естественный отбор был низведен до роли второстепенной силы, этакой уборщицы с совком и веником, которая скромненько сметает с арены жизни дефективные формы, но не способна создать что-то принципиально новое. В этом смысле позиция Кропоткина неоригинальна — дарвинизм, в том числе и с ламаркистских позиций, в конце XIX в. не критиковал только ленивый. «Изюминкой» в построениях князя было именно понятие взаимной помощи, которое, как я уже говорил, он выработал под влиянием российской общественной и научной мысли. Насколько мне известно, в то время никто другой на Западе, кроме Кропоткина, не рассматривал склонность животных к кооперации как ключ к пониманию эволюции.

«Взаимная поддержка является законом (всеобщим фактом) природы, несравненно более важным, чем борьба

за существование, прелести которой нам восхваляют буржуазные писатели»*, — отмечал Кропоткин. Зачем воевать с сородичами, если ресурсов хватит на всех? Наоборот, лучше объединиться для их эффективного использования. Кропоткин подчеркивает: «Борьба за жизнь не может приобретать характер напряженной внутренней войны в рамках каждого племени и группы. Она не может быть борьбой за *индивидуальные* преимущества. Она должна быть *совместной* борьбой группы против общих врагов и враждебных сил природы»**. Природа для Кропоткина — это не перенаселенные городские трущобы, жители которых готовы перегрызть друг другу глотку из-за рабочих мест и крыши над головой (именно в такой обстановке прошла юность Гексли), а бескрайние сибирские просторы, где человеку не выжить в одиночку. Во время своей службы в Амурском крае молодой Кропоткин был впечатлен тем, каких успехов в колонизации неосвоенных земель — без всякой помощи государства — добивались сплоченные общины сектантов-духоборов по сравнению с другими переселенцами, и эти наблюдения сыграли немалую роль в становлении его взглядов на эволюционный процесс***. По словам Кропоткина, животным тоже свойственно объединяться в группы, которые «действуют как одно целое и ведут борьбу с неблагоприятными условиями жизни или же с внешними врагами****.

* Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 297.

** Kropotkin P. The Theory of Evolution and Mutual Aid. P. 87. Курсив автора.

*** Кропоткин П. А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 217.

**** Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 55.

Чем сильнее сплоченность внутри групп и чем выше готовность отдельных особей жертвовать собой во благо других, тем большего успеха добивается вид в целом и тем выше он стоит на лестнице прогресса. «Взаимная помощь внутри вида является... главным деятелем того, что можно назвать прогрессивным развитием»^{*}; — писал Кропоткин. У животных, сообща решающих коллективные задачи, вырабатываются особые «навыки, уменьшающие внутреннюю борьбу за жизнь»^{**} — общественный инстинкт. Этот инстинкт отвечает за «согласование воли отдельных особей с волей и намерениями целого»^{***}. У наиболее успешных видов общественные инстинкты выражены сильнее всего, чему примером служат муравьи — вершина эволюции беспозвоночных животных и человек — самый продвинутый представитель позвоночных. Склонность к взаимопомощи вознесла наш вид на эволюционный олимп и продолжает оставаться драйвером социального развития человечества со времен первобытных общин и заканчивая рабочими союзами и профессиональными ассоциациями. «В человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен. <...> Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества»^{****}; — полагал Кропоткин.

* * *

Эволюционная теория Кропоткина подводит к выводам, диаметрально противоположным пессимистичному мировоззрению Гексли. Из нее следует, что природа — это не царство зла,

* Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 55.

** Там же. С. 54.

*** Там же. С. 69.

**** Кропоткин П. А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 392.

а школа нравственности. Моральные принципы заложены в нас от рождения. Для человека естественно помогать ближнему, а не вести войну всех против всех. Люди не нуждаются в надзоре со стороны власти ради поддержания мира и порядка, они справятся с этим и самостоятельно. Государство не приносит ничего позитивного в жизнь человека, а лишь паразитирует на его врожденной склонности к кооперации. Люди ошибаются, когда приписывают «своему правительству и законам то, что в действительности является результатом их собственных прищечек и общественных инстинктов»*.

Этот тезис как нельзя лучше подходил для обоснования анархических идеалов Кропоткина, который вел напряженную полемику с социалистами-государственниками. Началась она еще в 1870-х гг. с перебранки Карла Маркса и Михаила Бакунина — идейного предшественника и вдохновителя Кропоткина. Бакунин выступал за немедленное упразднение государства, на смену которому должна прийти федерация самоуправляющихся общин. Маркс же считал, что государство надо использовать как инструмент диктатуры пролетариата, а когда коммунизм будет построен, оно отомрет само собой — просто это произойдет не сразу. Этот спор внутри левого лагеря особенно обострился в те годы, когда Кропоткин работал над «Взаимопомощью». После отмены антисоциалистических законов Бисмарка в 1890 г. последователи Маркса в лице немецких социал-демократов взяли курс на участие в легальной политике. Вместо того чтобы разрушать государство, они попытались в него встроиться и прийти к власти путем выборов, если это не получится сделать путем революции. С оглядкой на них действовали и другие социалисты. В результате марксисты подмяли под себя международное левое движение,

* Кропоткин П. А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 390.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru